

УДК 314.7; 316.48

DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-3-17-22

Гаджимурадова Г. И. | ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР РЕЛИГИОЗНОЙ
НЕСТАБИЛЬНОСТИ В РЕГИОНАХ РОССИИ:
УГРОЗЫ И РИСКИ

Институт социально-политических исследований РАН,
ул. Фотиевой 6, стр. 1, Москва, 119333, Россия
Кафедра демографической и миграционной политики МГИМО МИД РФ,
проспект Вернадского, 76, Москва, 119454, Россия
gadzhimuradova7@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена особенностям трудовой миграции из Центральной и средней Азии в Россию. В статье поднимаются вопросы социальной адаптации мигрантов с иноконфессиональной культурой. Показана опасность «экспорта террористической угрозы» из стран-доноров, которыми являются преимущественно страны Средней Азии. Названы причины миграции в Россию и вовлечения мигрантов в религиозные объединения экстремистской направленности. Указывается роль глобализации в растущей интернационализации религиозного экстремизма. Показана связь международного терроризма с эффектом глобализации. В статье дается ответ на вопросы о том, каковы угрозы и риски стабильности и как это связано с трудовой миграцией из республик Средней Азии, какова роль спецслужб и всего общества в деле предотвращения террористической активности мигрантов, что можно предложить для ликвидации причин попадания мигрантов в террористические организации.
Ключевые слова: Терроризм; спящие ячейки; глобализация; миграция; Центральная Азия; теракты; вербовка.

Gul'nara
Gadzhimuradova

LABOR MIGRATION AS A FACTOR OF RELIGIOUS
INSTABILITY IN RUSSIAN REGIONS: THREATS AND RISKS

Institute for Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences
bld. 1, 6 Fotiyeva St., Moscow, 119333, Russia
Department of Demographic and Migration Policy, Moscow State Institute of International Relations,
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
76 Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russia
gadzhimuradova7@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the features of labor migration from Central and Middle Asia to Russia. The article raises questions of social adaptation of migrants with an inoconfessional culture. The danger «from the terrorist threat» from the donor countries, which are mainly the countries of Central Asia, is shown. The reasons for the migration to Russia and the involvement of migrants in religious communities of extremist direction are named. The role of globalization in the growing internationalization of religious extremism is pointed out. The connection between international terrorism and the effect of globalization is shown. What are the threats and risks to stability and how does this relate to labor migration from the Central Asian republics? What is the role of special services and the whole society in preventing the terrorist activity of migrants? What could be proposed to eliminate the causes of migrants entering terrorist organizations?
Keywords: terrorism; sleeping cells; globalization; migration; Central Asia; terrorist attacks; recruitment.

Введение (Introduction). Российская Федерация является страной, которая принимает значительное количество мигрантов. Страна-донорами для России, в основном, являются республики бывшего Советского Союза. Но основную роль в формировании потоков мигрантов для нашей страны в настоящее время играют страны Центральной Азии. Формирование потоков трудовой миграции, ориентированных на Россию, обусловлено совокупным действием нескольких факторов. Одним из основных является экономический фактор, связанный со спадом производства в этих странах, низким уровнем заработной платы, высоким уровнем безработицы, отсутствием рабочих мест, распространением бедности, избытком трудовых ресурсов.

В Российской Федерации на протяжении 1990-2010-х годов произошло сокращение численности трудоспособного населения. Это обострило дефицит трудовых ресурсов на российском рынке труда, усилило конкуренцию за трудовые ресурсы, активизировало трудовую миграцию из посылающих стран. Демографическая ситуация в странах Центральной Азии – основных поставщиках трудовых мигрантов для России, выглядит кардинально противоположной. Прогнозы свидетельствуют о том, что к 2050 году численность населения трудоспособного возраста увеличится: в Узбекистане – на 6,4 миллионов, в Таджикистане – на 2,8 миллионов, в Туркменистане – на 900 тысяч, в Кыргызстане – на 600 тысяч человек. Даже при ускоренном развитии экономики этих государств все трудоспособное население в них не сможет быть трудоустроено.

Теоретический обзор (Theoretical review). Помимо трудовой миграции из стран Средней Азии наблюдается учебная миграция, брачная миграция, миграция на постоянное место жительства. На долю иммигрантов из этого региона приходится более 53% общего миграционного прироста России по миграции на постоянное место жительства (*Миграционные мосты в Евразии...*, 2012). Вместе с тем, интенсивно растет доля представителей титульных народов стран Центральной Азии (таджиков, узбеков, киргизов, казахов, туркмен). Например, в миграционном обмене между

Россией и Таджикистаном в 2000-е годы каждый третий мигрант, прибывший и осевший в России, был представителем титульных национальностей стран Центральной Азии, в обмене с Киргизстаном – таким был каждый десятый, а с Узбекистаном – каждый восемнадцатый. В Республике Казахстан примерно 31% постоянных мигрантов приходится на жителей стран Центральной Азии (в том числе на выходцев из Узбекистана – 17%, Киргизстана – 12%, Таджикистана – 2%) (Картирование неурегулированной миграции..., 2015).

После распада Советского Союза и краха идеологии коммунизма, в частности, политики интернационализма, полиэтнического общества, в которых негласно основным выражением идентичности являлся ислам, оказались без мощного регулятора межнациональных и межконфессиональных отношений. На место образовавшегося вакуума и идеологической дезориентации пришла исламская идеология, которая не делила людей по этническому принципу и, как казалось тогда многим, могла стать объединяющим началом в регионах с компактным проживанием мусульман. Особенно эти процессы усилились с началом «парада суверенитетов» в бывших советских республиках, с преимущественно мусульманским населением: республиках Центральной Азии, Азербайджане и др. В настоящее время радикальный ислам на фоне общественно-политических проблем в арабских государствах и Афганистане, становится глобальной угрозой XXI века, заполняя в Центральной Азии идейно – политический вакуум.

Именно идеологическая доктрина ислама делает исламский экстремизм и такое его проявление, как терроризм, чрезвычайно опасным для общества. Феномен международного терроризма оказался напрямую связанным с эффектом глобализации. Глобализация и растущая интернационализация религиозного экстремизма, связанного с исламом, уже свершившийся факт, перед которым сегодня оказался весь мир. Как верно заметил Э. Соловьев: «Террористические организации достаточно легко освоились в меняющемся мире с проницаемыми границами и размывающимся территориальным суверените-

том. Они усвоили новые приемы и методы организации, адаптировались к стремительному развитию коммуникационных и информационных технологий. Международные террористические организации смогли приобрести свое нынешнее влияние только в условиях проницаемости международных границ и размывания суверенитетов, что во многом и было результатом глобализации» (Соловьев, 2004).

Экономики стран Центральной Азии испытывают значительное экономическое давление со стороны возвращающихся трудовых мигрантов, попавших в России в «чёрные списки» с запретом на въезд на 3, 5, и 10 лет, что не только обостряет социально-экономическую ситуацию внутри самих этих стран, но и усиливает риски для этих трудовых мигрантов, становящихся объектом вербовки со стороны радикальных и экстремистских групп. Страны Центральной Азии со своей стороны прилагают усилия к тому, чтобы не допустить такую радикализацию и преодолеть социальные, экономические и правовые факторы уязвимости, но ресурсы их ограничены. Для России, при неблагоприятном исходе событий, это может обернуться нестабильностью политической ситуации в странах-соседях, что усиливает риски дестабилизации для страны, особенно в её приграничных и миграционно-подвижных регионах. Не секрет, что и в среде трудовых мигрантов существуют террористические агентурные сети, спонсируемые ИГ, которые используют приезжих в своих преступных целях. Одной из задач ИГ (организация запрещена в России) является в том числе и дестабилизация обстановки в Центральной Азии.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). В настоящее время, одним из государств, которое в наибольшей степени страдает от террористической активности исламистских группировок, наряду с большинством стран Европы и Ближнего Востока, становится Россия. Большая часть территории России по уровню террористической угрозы мало чем отличается от Западной Европы. Агентурные сетевые структуры «революционного джихада» (организация, деятельность которой запрещена в РФ), в том числе спящие ячейки, присутствуют в том

числе и на территории Российской Федерации. Медиациентром ИГ (организация запрещена в России) является агентство «Аль-Фуркан». Продукция медиациентра нацелена в большей мере на иностранную и иноязычную аудиторию и производит как собственные фильмы, так и субтитры к фильмам других медиаподразделений ИГ, таких как «Аль-Фуркан» и «Аль-И’тисам». Основные языки, которыми оперирует медиациентр «Аль-Хайят»: арабский, английский, немецкий, французский, русский и ряд др.

В Центрально-азиатских республиках выросло целое поколение молодых людей, которые не знают языка, культурных особенностей народов России, выросшие и воспитанные в иной религиозно-культурной парадигме. Попадая в Россию, большинство из них становится легкой добычей криминальных и радикально-религиозных структур. Социальная адаптация мигрантов происходит в условиях и по законам криминализованного социума, где на первом плане стоят лидеры национальных диаспор, криминальные авторитеты, коррумпированные чиновники и офицеры МВД.

В свою очередь, исключенность мигрантов из российского общества, их изоляция и самоизоляция, ведущие к появлению «параллельных» мигрантских сообществ, не только усиливает разобщенность групп населения, проживающих и работающих в РФ, но и снижает сопротивляемость мигрантов к экстремистским посылам, усиливает риски их вербовки представителями радикальных и экстремистских групп уже внутри самой РФ. Отсутствие адаптационных программ в РФ для мигрантов увеличивает разобщённость между трудовыми мигрантами, часть из которых со временем становится российским гражданами, и российским обществом, оставляет мигрантов наедине с рисками и вызовами, с которыми они сталкиваются в период длительного пребывания в РФ.

В последние годы проблема так называемой «террористической эмиграции» из Средней Азии стоит очень остро и даже демонстрирует тенденцию к росту. По имеющимся данным, на сегодняшний день из Таджикистана в Сирию и Ирак выехало около 1100 человек или 13,3 человека на 100 тыс. населения. Из

Кыргызстана выехало 600 человек (10,5 чел. / 100 тыс.), из Казахстана – более 300 человек (примерно 1,8 чел. / 100 тыс.). Точных данных по Узбекистану и Туркменистану нет, по примерным прикидкам, оттуда в Сирию и Ирак выехало до 2000 человек. В 2016 г. наиболее активный поток боевиков шел из Таджикистана, где после попытки переворота и запрета Партии исламского возрождения начался рост террористической активности¹.

В августе 2015 года Общественная палата запустила горячую линию по противодействию вербовщикам террористической организации «Исламское государство» (ИГ). Чаще всего на горячую линию поступают сообщения о вербовке студентов в радикальные и деструктивные течения ислама. У ИГ (организация запрещена в России) есть разработанная «карта специальностей», которой экстремисты руководствуются во время вербовки. Чаще всего они стремятся привлечь российских студентов – переводчиков и программистов, предлагая им высокооплачиваемую работу. Они продвигают себя на 24 языках, и после арабского и английского на третьем – русский. Именно поэтому им так необходимы лингвисты, а также специалисты IT-технологий, психологи и врачи. Как показывает практика, сетевые организации ИГ (запрещена в России) блестяще владеют способами психологического воздействия на потенциальных жертв. Так, например, произошло с Варварой Карауловой², которая не смогла даже после возвращения в Россию прекратить общение с вербовщиками.

В сети вербовщиков попадает, преимущественно, молодежь от 16 до 35 лет, традиционно мужчины, но в последние годы они часто увозят за собой к террористам жен и сестер. Ярким примером этому является попытка российских властей вернуть на родину из иракского Мосула детей, которых, подвергшиеся влиянию ИГ родители, вывезли из России в Ирак и Сирию (Петелин, Баксичева, 2017).

Часто причиной «террористической эмиграции» становится не столько ультимативная

нищета, сколько отсутствие жизненных перспектив. Отсутствие доступа к социальным лифтам, коррупция, дискриминация по национальному признаку, клановость – все это толкают людей к связям с террористическим подпольем. А впоследствии они пополняют ряды боевиков ИГ (запрещена в России). Например, в Ошской области этнические узбеки по факту лишены возможности поступить в вуз или пойти на госслужбу из-за межнациональных проблем и изоляции своих общин. В Западном Казахстане остро стоит проблема кланового nepотизма, отсутствия нормальных социальных лифтов, неблагоприятный социальный фон, включая криминализацию молодого поколения. В других случаях за уходом в террористы стоят личные проблемы – развод, несостоявшийся брак, поиски второй половины (чаще среди женщин), конфликт с семьей.

Агентурные сетевые структуры «революционного джихада» (организация, деятельность которой запрещена в РФ), в том числе спящие ячейки, присутствуют и непосредственно на территории Российской Федерации. В России основную проблему составляют нелегальные мигранты и радикалы, которые занимаются вербовкой молодежи в экстремистские группы. Российскими спецслужбами только в 2015 году были установлены около 3 тыс. человек, подозреваемых в участии в боевых действиях на стороне террористических организаций в Афганистане, Сирии и Ираке. Не так давно была пресечена деятельность радикально-религиозной группировки «Рахнама», которая занималась вербовкой на территории нашей страны (в Свердловске, Челябинске, Тюмени) бойцов для ДАИШ (запрещенной в России организации). В рядах боевиков состоят граждане 80 государств, в том числе некоторых стран, входящих в ШОС, Франции, Великобритании, Германии, Марокко, Саудовской Аравии, США, Канады и др. Пропаганда религиозного экстремизма ведется непрерывно. По заявлению

¹http://ruskline.ru/opp/2017/aprel/27/terroristicheskaya_e_migraciya_iz_srednej_azii_rastyot/

²(авт.) В мае 2015 года студентка МГУ В. Караулова пыталась присоединиться к ИГИЛ на территории Сирии,

но была задержана в Турции и отправлена в Россию, где в декабре 2016 года была приговорена к 4,5 годам заключения в колонии общего режима.

генсека ОДКБ Н. Бордюжи, в рамках операции «Прокси» структуры ОДКБ выявили более 57 сайтов, используемых для вербовки жителей Центральной Азии в террористическую группировку ДАИШ (запрещенной в России) и другие экстремистские организации. И события последних лет показывают, что эффективных способов их выявления пока не найдено. Задержание в Санкт-Петербурге, Москве и других российских городах трудовых мигрантов из Средней Азии, готовивших или совершивших террористические акты, в очередной раз свидетельствует о существовании среди них террористического подполья³.

Мы должны понимать, что в среднесрочной перспективе страны Центральной Азии будут оставаться основными миграционными донорами для России и Казахстана. Хотя некоторые эксперты считают, что текущий экономический кризис, усиливающаяся социально-культурная дистанция между молодыми мигрантами и российским населением, а также жесткая миграционная политика Российской Федерации могут существенно снизить приток трудовых мигрантов из Центральной Азии.

Заключение (Conclusions). Что можно предложить для ликвидации причин попадания мигрантов в террористические организации? В первую очередь, на наш взгляд, необходимо внести прозрачность и ясность в формирование и распределение миграционных потоков из Центральной Азии в Россию, которая подразумевает под собой централизованные программы трудоустройства и размещения мигрантов. Во-вторых, необходима серьезная работа в сфере религиозного быта, религиозного просвещения, отслеживание деятельности религиозных объединений, пропагандирующих нетерпимость, вражду к другим конфессиям и предлагающим радикальные способы борьбы, пресечение деятельности подпольных организаций экстремистской направленности. Это касается не только деятельности спецслужб, но всего гражданского

общества и официальных религиозных объединений. И в-третьих, как предлагает руководитель Евразийского аналитического клуба Никита Мендкович, необходима социальная работа по линии этнических и культурных сообществ, от языковых курсов и культурных мероприятий до клубов знакомств. Необходимо дать возможность трудовым мигрантам жить в стране пребывания социальной жизнью, а не искать ее суррогат в сектах и радикальных кружках (Мендкович, Амелина, 2017).

На этом фоне вполне своевременным и обоснованным является законопроект, расширяющий основания, по которым гражданам России могут запретить выезд из страны в том случае, если ему будет объявлено официальное предостережение о недопустимости действий, которые создают условия для совершения преступлений террористической направленности. В статье «террористический акт» также предлагается повысить нижний порог наказания с восьми до пятнадцати лет лишения свободы. Законопроект предлагает снизить возраст уголовной ответственности за терроризм до 14 лет. Наказывать, говорится в проекте, будут за прохождение обучения в террористическом сообществе или участие в террористической группировке. Он направлен на создание дополнительных механизмов противодействия террористическим и экстремистским проявлениям. Это поможет повысить эффективность системы выявления, предупреждения и пресечения актов терроризма и иных форм экстремизма (Рустамова, Рождественский, 2016)⁴.

Список литературы

1. Картирование неурегулированной миграции в Центральной Азии 2011. Астана: Международная организация по миграции, 2015. С. 49.
2. Мендкович Н., Амелина Я. «Террористическая эмиграция» из Средней Азии растет. URL: http://ruskline.ru/opp/2017/aprel/27/terroristicheskaya_a_emigraciya_iz_srednej_azii_rastyot/ (дата обращения: 20.08.2017).

³<https://www.unian.net/world/1860386-vzryiv-v-peterburge-zaderjali-predpolagaemyih-posobnikov-terroristov.html>

⁴<http://www.rbc.ru/politics/07/04/2016/57066bd29a79476287d3bd8e>

3. Миграционные мосты в Евразии: Сборник докладов и материалов участников международного симпозиума / Под ред. чл.-корр. РАН С. В. Рязанцева. М.: Экон-информ, 2012. С. 6-7.

4. Петелин Г., Баксичева Р. Сироты джихада: Россия пытается вернуть из Мосула 48 детей, которых родители вывезли в ИГ. URL: <https://russian.rt.com/world/article/414739-irak-siriya-deti-rossiya-ig> (дата обращения: 20.08.2017).

5. Рустамова Ф., Рождественский И. Депутаты введут новые ограничения на выезд из России. URL: <http://www.rbc.ru/politics/07/04/2016/57066bd29a79476287d3bd8e> (дата обращения: 20.08.2017).

6. Соловьев Э. Сетевые организации транснационального терроризма // Международные процессы. 2004. Т. 2, №2(5). С. 71-83.

References

1. *Kartirovanie neuregulirovannoj migracii v Centralnoj Azii 2011* [Mapping of unregulated migration in Central Asia 2011], (2015), International Organization for Migration, Astana, Kazakhstan, 49. *Russian*.

2. Mendkovich, N. and Amelina, J. (2017), *Terroristicheskaya eh migraciya iz Srednej Azii rastyot* ["Terrorist emigration" from Central Asia is growing] [Online], available at:

http://ruskline.ru/opp/2017/aprel/27/terroristicheskaya_emigraciya_iz_srednej_azii_rastyot/ (Accessed 15 August 2017). *Russian*.

3. *Migracionnye mosty v Evrazii* [Migration bridges in Eurasia] (2012), *sbornik докладов i materialov uchastnikov mezhdunarodnogo simpoziuma*, in

Ryazantsev, S. V (ed.), *Ehkon-inform*, Moscow, Russia, 6-7. *Russian*.

4. Petelin, G. and Baksicheva, R. (2017), *Siroty dzhihada: Rossiya pytaetsya vernut iz Mosula 48 detej, kotoryh roditeli vyvezli v IG* [Orphans of jihad: Russia is trying to return 48 children from Mosul, whom the parents took to the Islamic State], [Online], available at: <https://russian.rt.com/world/article/414739-irak-siriya-deti-rossiya-ig> (Accessed 15 August 2017). *Russian*.

5. Rustomova, F. and Rozhdestvensky, I. (2016), *Deputaty vvedut novye ogranicheniya na vyezd iz Rossii* [Deputies will introduce new restrictions on leaving Russia], [Online], available at: <http://www.rbc.ru/politics/07/04/2016/57066bd29a79476287d3bd8e> (Accessed 15 August 2017). *Russian*.

6. Soloviev, E. (2004), *Setevye organizacii transnacionalnogo terrorizma* [Network organizations of transnational terrorism], *Mezhdunarodnye process*, 2, (2 (5)), 71-83. *Russian*.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Гаджимурадова Гюльнара Ильясбековна, старший научный сотрудник, доцент, кандидат философских наук, доцент.

Gadzhimuradova Gul'nara, Senior Researcher of the Center for Social Demography and Economic Sociology, PhD in Philosophy.